

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Владимир ФИРСОВ

(1937-2011)

Выдающийся русский поэт Владимир Фирсов умер в Москве 17 ноября 2011 года, не дожив 162 дня до своего 75-летия. Он был лучшим, по глубокому убеждению многих, поэтом конца XX века, которого мы за смелый, решительный характер и несгибаемую волю, почтительно именовали в своём поэтическом кругу – Командармом. Но вместе с тем он оставался в душе тончайшим лириком, вся поэтическая любовь которого была обращена на службу Отечеству. Воспитанник Александра Твардовского, задушевный друг Михаила Шолохова и Юрия Гагарина – он сам казался воплощением частички этой отчизны.

Мы – ответственные за выпуск этого альманаха, Андрей Шацков и Максим Замшев, помним, любим и до сих пор скорбим о нашем друге и учителе. Об этом уже столько написано...

Сергей ЕСИН

В литературных архивах удалось найти эпитафию, тогдашнего ректора литературного института им. М. Горького Сергея Есина:

Умер Владимир Иванович ФИРСОВ, поэт, преподаватель кафедры литературного мастерства Литинститута. Он учил студентов писать стихи больше 30 лет. Он и сам пи-

сать начал рано, чуть ли не со школы. Студентом Литинститута выпустил свою первую книжку, потом этих книжек было больше тридцати. В юности его опекал Твардовский, земляк. Несколько слов о Фирсове сказал М. Шолохов. Поэзия Фирсова была традиционной, простой, очень русской. В антологии «Русская поэзия. XX век», составленной Владимиром Костровым, четыре стихотворения Фирсова. В 1960 году Фирсов писал:

Когда умрёт последняя берёза –
Умрёт последний русский человек –
Заплачет небо!
И, как ливни, слёзы
Обрушатся в проёмы мёртвых рек!
И тишина расколется от грома,
Накроет травы чёрная вода,
И медленно закружатся вороны
Над горьким прахом нашего труда.
И жизнь славян покажется вопросом,
Который никому не разрешить,
И вряд ли вспомнят нас, русоволосых,
Великих, не умевших дружно жить.

Предвидел?

В антологии русской поэзии «Строфы века», составленной Евгением Евтушенко, Фирсова нет.

Последние годы поэзия Фирсова была мало востребована. Но стихи он писал, переводил; до перестройки вёл русско-болгарский журнал. В последних стихах Фирсов часто обращается к православной тематике. Жизнь уже была на исходе...

В. И. Фирсов преподавал у заочников. Ему было тяжело подниматься по лестнице на второй этаж. Но он приезжал, поднимался, как-то бочком проходил через кафедру в аудиторию. Студенты его любили, он обладал даром объяснять всё сложное очень просто, был доброжелателен и отзывчив. Таким он и запомнился и будет помниться. Вот ещё две строчки из его стихотворения: «Над грозой торжествует радуга, над бедою торжествует жизнь». Наверное, это так, но очень грустно...

РУССКИЕ ПОЛЯ

Лишь глаза закрою...
В русском поле –
Под Смоленском, Псковом и Орлом –
Факелы отчаянья и боли
Обдают неслышанным теплом.
Пар идёт от стонущих деревьев.
Облака обожжены вдали.
Огненным снопом
Моя деревня
Медленно уходит от земли.
От земли,
Где в неземном тумане
На кроваво-пепельных снегах,
Словно в бронзе,
Замерли славяне.

Дети,
Дети плачут на руках.
Жарко.
Жарко.
Нестерпимо жарко,
Как в бреду или в кошмарном сне.
Жарко.
Шерсть дымится на овчарках.
Жадно псы хватают пастью снег.
Плачут дети.
Женщины рыдают.
Лишь молчат угрюмо старики
И на снег неслышно оседают,
Крупные раскинув кулаки.
Сквозь огонь нечеловечьей злобы
Легонький доносится мотив.
Оседают снежные сугробы,

Человечью тяжесть ощутив.
Вот и всё...
И мир загробный тесен.
Там уже не плачут,
Не кричат...
Пули,
Как напев тирольских песен,
До сих пор
В моих ушах звучат.
До сих пор черны мои деревья.
И, хотя прошло немало лет,
Нет моих ровесников в деревне,
Нет ровесниц.
И деревни нет.
Я стою один над снежным полем,
Уцелевший чудом в том огне.
Я давно неизлечимо болен
Памятью
О проклятой войне...
Время, время!
Как течёшь ты быстро,
Словно ливень с вечной высоты.
В Мюнхене
Иль в Гамбурге
Нацисты
Носят, как при Гитлере, кресты.
Говорят о будущих сраженьях
И давно не прячут от людей –
На крестах – пожаров отраженье,
Кровь невинных женщин и детей.
Для убийц всё так же
Солнце светит,
Так же речка в тростниках бежит.
У детей-убийц
Родятся дети.
Ну а детям мир принадлежит.
Мир – с его тропинками лесными,
С тишиной, и с песней соловья,
С облаками белыми, сквозными,
С синью незабудок у ручья.
Им принадлежат огни заката
С ветерком, что мирно прошуршал.
Так моим ровесникам когда-то
Этот светлый мир принадлежал!
Им принадлежали
Океаны
Луговых и перелесных трав.
Спят они в могилах безымянных,
Мир цветов и радуг не познав.
Сколько их,
Убитых по программе

Ненависти к Родине моей, –
Девочек,
Не ставших матерями,
Не родивших миру сыновей.
Пепелище поросли лесами...
Под Смоленском, Псковом и Орлом
Мальчики,
Не ставшие отцами,
Четверть века спят могильным сном.
Их могилы не всегда укажут,
Потому-то сердцу тяжело.
Никакая перепись не скажет,
Сколько русских нынче быть могло!..
Лишь глаза закрою...
В русском поле –
Под Смоленском, Псковом и Орлом –
Факелы отчаянья и боли
Обдают неслыханным теплом.
Тает снег в унылом редколесье.
И, хотя леса давно молчат,
Пули,
Как напев тирольских песен,
До сих пор
В моих ушах звучат.